

фусть—еврей, пасторожились еврей... Заговорили о милитаризмѣ, о жидахъ... Заварилась мало-помалу каша на почвѣ антисемитизма, на почвѣ, отъ которой пахнетъ боѣной. Когда въ насъ что-нибудь не ладно, то мы ищемъ причинъ внѣ насъ и скоро находимъ: „это французъ гадить, это жида, это Вильгельмъ“. ...Это призраки, но зато какъ они облегчаютъ наше безпокойство! Они, конечно, дурной знакъ. Разъ французы заговорили о жидахъ, о синдикатѣ, то это значитъ, что они чувствуютъ себя неладно, что въ нихъ завелся червь, что они пуждаются въ этихъ призракахъ, чтобы успокоить свою взбаламученную совѣсть“. То, что въ этихъ сужденіяхъ говорить только чистое чувство права, обнаруживается въ сужденіи Чехова по другому поводу, косвенно связанному съ этой борьбой партій. Въ 1899 г. былъ затѣянъ либеральными литераторами „судъ чести“ надъ А. С. Суворинымъ. Рѣзко осуждая политическое направленіе *Новаго Времени* и уже разоидясь съ Суворинымъ на этой почвѣ, Чеховъ столь же рѣзко осуждаетъ и „судъ чести“. Онъ отрицательно относится и къ самой идеѣ суда чести у литераторовъ, не составляющихъ обособленной корпораціи, и рѣшительно возстаетъ противъ суда чести за высказанныя въ печати мнѣнія, усматривая въ этомъ явное „покушеніе на свободу слова“.—Съ точки зрѣнія эстетическихъ взглядовъ Чехова интересны нѣкоторые его письма къ М. Горькому, въ которыхъ онъ настаиваетъ на необходимости „сдержанности“, чувства мѣры, въ художественныхъ описаніяхъ, и автобиографическая замѣтка въ письмѣ къ Г. И. Россолимо, въ которой подчеркивается значеніе научнаго образованія для художественнаго творчества. Въ этомъ томѣ, какъ и въ предыдущемъ, встрѣчается также много интересныхъ свидѣтельствъ общественной дѣятельности Чехова, которая вытекала у него не изъ политическихъ убѣжденій или вообще какихъ-либо отвлеченныхъ идей, а изъ непосредственнаго живого, человѣчнаго чувства къ интересамъ и потребностямъ среды.

Къ книгѣ приложено много любопытныхъ фотографическихъ снимковъ.

Почитатель.

В. О. Лазурскій. Курсъ исторіи западно-европейской литературы.
 Ч. I. Средневѣковая литература. Одесса, 1913 г. Стр. 230.

Въ нашей ученой и учебной литературѣ существовалъ до сихъ поръ большой пробѣлъ: отсутствовалъ общій, хотя бы самый элементарный, обзоръ исторіи западно-европейской литературы. Между тѣмъ, потребность въ немъ чувствовалась весьма сильная. Невозможно было, на примѣръ, указать удовлетворительнаго пособія къ общему курсу, читаемому въ университетахъ. „Всеобщая исторія литературы“ подъ редакціей В. Корша и А. Кприничникова (1880—92 гг.) частями значительно устарѣла и вышла изъ продажи. Единственная подходящая книга, „Очеркъ исторіи западно-европейской литературы“ проф. Н. Стожонка (3 изд., Москва, 1912 г.), страдаетъ отрывочностью и неполнотой: на примѣръ, Тассо и Аріосто въ пей ни словомъ не упомянуты. Попытка заполнить этотъ пробѣлъ составляетъ заслугу прив.-доц. новороссійскаго университета В. Лазурскаго. Пока вышла первая часть его „Курса“, посвященная средневѣковой литературѣ. За нею должны послѣдовать другія, въ которыхъ курсъ будетъ доведенъ до середины XIX вѣка. Къ сожалѣнію, въ вышедшемъ выпускѣ можно встрѣтить

немало пропусковъ и погрѣшностей. При всемъ стремленіи къ систематичности изложенія авторъ не даетъ картины литературной эволюціи. Смѣна направленій охарактеризована имъ довольно слабо. Мы не встрѣчаемъ не только опредѣленія такихъ направленій, какъ „куртуазность“ или „сладкій новый стиль“ (*dolce stil nuovo* Данте), но даже самихъ этихъ терминовъ. Мало вниманія удѣлено случаямъ литературнаго вліянія одного народа на другой. Ничего не сказано о проникновеніи поэзіи трубадуровъ на Пиренейскій полуостровъ и въ Италію; ничего о переводахъ французскихъ романовъ на другіе европейскіе языки. Кромѣ Франціи, которой удѣлено болѣе всего мѣста и отчасти Германіи, не дано изображенія состоянія литературы ни въ одной изъ отдѣльныхъ странъ. Изъ испанской литературы разобранъ лишь „Сидъ“, изъ англосаксонской — „Беовульфъ“, изъ скандинавской — „Эдды“. Получается странное впечатлѣніе, будто у всѣхъ этихъ народовъ ничего, кромѣ эпоса не было. Такимъ образомъ, остались безъ упоминанія такія важныя явленія, какъ скандинавскія саги и поэзія скальдовъ. Краткое упоминаніе о важнѣйшихъ изъ опущенныхъ явленій могло бы быть сдѣлано безъ чрезмѣрнаго увеличенія объема книги. Его можно было бы отчасти компенсировать сокращеніемъ слишкомъ подробныхъ пересказовъ нѣкоторыхъ поэмъ и „Божественной комедіи“. Но и въ обзорѣ эпоса встрѣчаются недочеты. Недостаточно оцѣнены работы Бедье, объясняющаго французскій эпосъ, какъ социальное явленіе XII вѣка. Ложно построена вся глава объ испанскомъ эпосѣ. Въ основу положенъ разборъ романсовъ, какъ самыхъ древнихъ памятниковъ. На самомъ дѣлѣ, давно уже выяснено, что первые романсы появились не ранѣе XV вѣка. Свѣдѣнія автора изъ исторической поэтики отличаются сбивчивостью; иногда онъ смѣшиваетъ жанры. Изъ того, что проповѣдники IX вѣка упрекали свою паству за пристрастіе къ какимъ-то *fabulae inanes*, нельзя дѣлать вывода, что фабліо (т.-е. особый литературный жанръ) существовалъ „гораздо раньше“ XIII вѣка. Не удовлетворяетъ глава о Данте. Несмотря на свой значительный объемъ, она не даетъ цѣльной характеристики ни поэзіи, ни личности Данте. Гордое и скорбное „*far parte per sè stesso*“ поэта фальшиво истолковано такъ: „Данте хотѣлось создать собственную партію“. Не разъяснена ни конструкція, ни смыслъ названія „*Vita Nuova*“. Ни „Пиръ“, ни „Трактатъ о краснорѣчій на народномъ языкѣ“ не упомянуты вовсе. Изъ отдѣльныхъ мелкихъ ошибокъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе досадныя: друиды названы пѣвцами; возникновеніе романовъ Круглаго Стола отнесено къ XIII вѣку, вмѣсто XII. Весьма часто встрѣчаются искаженія собственныхъ именъ: Гильдра, Бальдуръ, Санхо, Марвейль, Рембо Оранскій, Вельдеке, вмѣсто Гильда, Бальдръ, Санчо, Марюейль, Оранжскій, Фельдеке; хуже всего — Негри, вмѣсто Нери (итал. *Neri* = Черные, названіе политической партіи въ эпоху Данте). Это объясняется, по видимому, недостаточнымъ знакомствомъ автора со старыми европейскими языками. Еще сильнѣе сказывается оно въ тѣхъ зачастую невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ сообщаетъ относительно происхожденія романскихъ языковъ. Провансальскій языкъ оказывается „французскимъ нарѣчіемъ“; отъ языка сѣверной Франціи онъ сильно отличается „вслѣдствіе близости къ Итали“, и стоитъ ближе къ латинскому языку. На самомъ дѣлѣ, всѣ романскіе языки — отпрыски одного

источника—вульгарной латыни, от которой они отдалились въ силу органическаго развитія, приблизительно въ равной степени. Несмотря на всѣ перечисленные недостатки, работа г. Лазурскаго является единственнымъ для своей области и весьма полезнымъ пособіемъ. Книга написана яснымъ и легкимъ языкомъ и доступна самому неподготовленному читателю.

А. А. Смирновъ.

А. Шалыгинъ. **УЧЕБНЫЙ КУРСЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО СМЕРТИ ПУШКИНА) И ХРЕСТОМАТІЯ.** ПЕТРОГРАДЪ, 1915 г. Стр. 332+247. Ц. 1 р. 80 к.

Въ педагогической средѣ г. Шалыгинъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ хорошаго учебнаго пособия по теоріи словесности. Теперь онъ выступаетъ съ учебникомъ по исторіи русской литературы. Къ сожалѣнію, передъ нами не полный учебный курсъ, а только часть его, и притомъ средняя. Это, несомнѣнно, затруднитъ введеніе книги въ учебный обиходъ, такъ какъ перемѣна учебниковъ въ серединѣ курса всегда неудобна и для учащихся, и для преподавателя. Это же мѣшаетъ и намъ составить совершенно отчетливое и законченное представленіе о педагогическихъ качествахъ новой учебной книги. Въ предѣлахъ же даннаго матеріала можно сказать, что опытъ г. Шалыгина удаченъ и вполне заслуживаетъ вниманія педагоговъ. Въ основу изложенія положенъ здравый принципъ. „Руководство,—пишетъ авторъ въ предисловіи,—составлено съ тѣмъ расчетомъ, чтобы отвѣтъ ученика по словесности составлялся не только изъ того, что находится въ учебникѣ, но также изъ того, что онъ извлекъ, читая самыя произведенія. Извѣстно, что ученикъ нерѣдко предпочитаетъ ограничиваться первымъ и знакомиться съ произведеніями по пересказамъ, помѣщаемымъ иногда въ учебникахъ“. Дѣйствительно, многіе учебники, особенно, кажется, учебникъ по литературѣ XIX вѣка В. Θ. Саводника, составлены такъ, что прямо отучаютъ школьника отъ непосредственнаго изученія поэтическихъ произведеній. Авторъ справедливо называетъ это „вреднѣйшимъ явленіемъ“ и, чтобы помѣшать ему, въ своей книгѣ „избѣгалъ пересказовъ и даже длинныхъ цитатъ, замѣняя послѣднія подробными ссылками на произведеніе; мало того, разборы главныхъ произведеній составлены такъ, что даже непонятны тому, кто не имѣетъ передъ собою ихъ текста“. Для даннаго учебника это тѣмъ удобнѣе, что вмѣстѣ съ нимъ напечатана и хрестоматія, на страницы коей постоянно ссылается авторъ въ учебникѣ. Такой пріемъ проведенъ черезъ все изложеніе и, несомнѣнно, составляетъ самое большое достоинство книги. Кромѣ того, авторъ обладаетъ вкусомъ и чуткостью къ художественнымъ формамъ и психологическому содержанію поэзіи; въ книгѣ разсѣяно немало оригинальныхъ и мѣткихъ сужденій, способныхъ заинтересовать не только ученика, но и взрослого читателя, и освѣжающихъ изложеніе. Г. Шалыгинъ стремится также сохранить разумную мѣру въ выборѣ фактическаго матеріала и не загромождаетъ разсказа мелкими подробностями. Въ результатъ получается большая компактность, и то, что у Саводника занимаетъ 450 страницъ, здѣсь изложено на 330.

Все это производитъ пріятное впечатлѣніе и говоритъ въ пользу книги. Но есть въ ней особенности, понижающія примѣнимость ея какъ учебника. Во-первыхъ, въ выборѣ матеріала слѣдовало быть еще строже.